

Житие брата Джинепро

Брат Джинepro
(Фрагмент старинной фрески)

Предисловие переводчика

Брат Джинепро (frate Ginepro) - реально существовавшая историческая фигура, один из первых спутников Святого Франциска. В официальном житии Святого брат Джинепро не упоминается, однако рассказы о нем важны для понимания духа изначального францисканства.

Брат Джинепро родился в Ассизи в 1210 году и умер в Риме 4 января 1258. Его тело было с почетом погребено в монастырской церкви в Арачелли, тогдашнем пригороде Рима. На его надгробии написано просто *Ossa fratris Juniperi, socii Sancti Francisci* - «Кости брата Джинепро, спутника Святого Франциска». В ряде источников, в частности в *Specchio di Perfezione* ("Зерцало Совершенства") указывается, что Святой Франциск весьма высоко ценил духовные труды и добродетели брата Джинепро, ставя его в пример братству (см. *Specchio di Perfezione*, 85; *Fonti Francescane*, FF 1782). В *Leggenda di Santa Chiara* ("Предание о Святой Кларе") упоминается, что брат Джинепро присутствовал при кончине Святой Клары 11 августа 1253 год (см. *Leggenda di Santa Chiara* 45, FF 3248). Также брат Джинепро фигурирует в "Цветочках Святого Франциска Ассизского" в главе XLVIII, где он вместе с прочими братьями-миноритами свидетельствует о святой жизни брата Джакопо (Иакова) делла Масса.

Текст «Жития брата Джинепро» - *Vita Fratris Juniperi* - содержится в *Chronica XXIV Generalium Ordinis Fratrum Minorum* (Хроника двадцати четырех Генералов Ордена Братьев-Миноритов), средневековом орденском документе, написанном на латыни. Хроника датируется примерно 1370 годом. Автором ее предположительно является монах-францисканец Арно де Саран (*Arnaud de Sarrant*).

Текст перевода передается в общественное достояние, может без всяких условий копироваться, распространяться, цитироваться в любых объемах и т.п.

Р.Д. Стыран

Житие брата Джинепро

Начинается житие брата Джинепро

Глава I

Как брат Джинепро отрезал ногу свинье только для того, чтобы отдать ее больному

Одним из избраннейших последователей и первых спутников Святого Франциска был брат Джинепро, человек глубочайшей кротости, великого духовного пыла и великой любви, о котором Святой Франциск, беседуя порой со своими праведными спутниками, говорил: "Великим братом-миноритом, покорившим себя и мир стал бы тот, кто поступал бы подобно брату Джинепро".

Однажды в Санта-Мария дельи Анджели, когда брат Джинепро как обычно был воспламенен огнем божественной любви, пришел к нему больной брат, и брат Джинепро спрашивал того с великим состраданием: "Могу ли я как-нибудь послужить тебе?" Больной отвечал: "Великим утешением было бы для меня, если бы ты смог добыть для меня свиную ногу". Брат Джинепро тотчас сказал: "Положись на меня, и я немедленно достану ее для тебя". И пошел, и взял нож, как я полагаю, с кухни, и, в пылу духовном, пошел через лес, где паслись некие свиньи, и он бросился на одну из них и отрезал ей ногу и сбежал, оставив свинью с искалеченной ногой. И возвратившись, он помыл, почистил и приготовил эту ногу и, приготовив ее как следует, весьма старательно, с великой любовью, преподнес эту ногу больному, и больной весьма жадно ел ее, к великому утешению и радости брата Джинепро, который, чтобы развлечь больного, востороженно рассказывал о том, как он напал на свинью.

Тем временем свинопас, видевший, как этот брат отрезал ногу свинье, как полагается, с великой печалью рассказал обо всем своему хозяину. И тот, выслушав его, пришел к братьям и, обзывая их лицемерами и жалкими ворами, и мошенниками, и разбойниками с большой дороги, и злодеями, вопрошал: "Почему вы отрезали ногу моей свинье?" На этот великий шум, что он устроил, вышел Святой Франциск со всеми братьями, и кротчайше просил простить его братьев, и, не будучи осведомлен о деле, обещал, дабы умиротворить его, что тот может получить любое возмещение за понесенный ущерб.

Но тот был вовсе не умиротворен всем этим и в великом гневе, изрыгая оскорбления и угрозы, пошел прочь от братьев в ярости, и, повторяя вновь и вновь, что они отрезали ногу его свинье по злему умыслу, отказывался от принять какое бы то ни было возмещение или обязательство от них, и ушел от братьев, переполненный негодованием. И Святой Франциск, пока прочие братья пребывали в удивлении, благоразумно все обдумал и сказал в сердце своем: "Мог брат Джинепро сделать сие по неумеренности рвения своего?" И он велел тайно позвать брата Джинепро и спрашивал его, говоря: "Отрезал ли ты ногу свинье в лесу?" На что брат Джинепро, не как человек, совершивший промах, но как тот, кто казался самому себе свершившим великий труд милосердия, отвечал весьма радостно и говорил так: "Дорогой отче мой, истинно, что я отрезал ногу оной свинье, и причина тому, отче мой, ежели милостиво пожелаешь выслушать,

такова. Я из милосердия отправился проведать такого-то и такого-то больного брата", и таким образом он пересказал Святому все по порядку, как было дело, и затем добавил: "Говорю тебе, что, учитывая то утешение, которое сей наш брат обрел и радость, какую возымел он от оной ноги, истинно убежден я, что, отрежь я ноги сотне свиней вместо одной, Бог благоволил бы сему".

На что Святой Франциск с праведным пылом и великим недовольством сказал: "О брат Джинепро, зачем ты устроил сию великую распрю? Человек тот не без причины сетовал и столь гневался на нас, и, возможно, даже до сих пор злословит о нас по всему городу по причине сего дурного деяния, и истинно есть у него все причины поступать так. Посему я велю тебе, по исполнению святого послушания, дабы ты бежал за ним до тех пор, пока не догонишь его, и бросился перед ним ниц на землю и рассказал ему о своем проступке, обещая ему сотворить возмещение так, чтобы не было у него поводов жаловаться на нас, ибо, несомненно, ему была учинена весьма тяжкая обида". Брат Джинепро был весьма удивлен вышереченным словам, как были растеряны и прочие братья, дивясь тому, что кто-то может быть рассержен поступком столь милосердным, ибо ему казалось, что все сие преходящее достойно сохранения только ради того, чтобы быть милостиво разделенным с ближним. И брат Джинепро отвечал: "Несомненно, отче, я сейчас же воздам ему и успокою его. Но почему бы ему так волноваться, раз эта свинья, ногу которой я отрезал, была скорее Богова, чем его, и раз таким образом было сотворено дело столь великого милосердия?" И с этим он побежал прочь и нагнал того человека, который был разгневан сверх меры, так, что не осталось в нем ни капли сдержанности, и рассказал ему, как и зачем отрезал он ногу у оной свиньи, и говорил с таким пылом и восторгом, и радостью, будто бы он оказал тому человеку великую услугу, за которую следовало ему быть щедро вознагражденным.

Но тот, полный гнева, вне себя от ярости, жестоко поносил брата Джинепро, называя его безумцем и дураком, жалким вором и низким разбойником. И брат Джинепро вовсе не обращал внимания на те обидные слова, но дивился в душе, ибо, хотя он возрадовался этим оскорблениям, был он все же убежден, что человек сей не понял его правильно, поскольку ему вся эта история казалась поводом скорее для радости, нежели для гнева, почему он рассказал ее еще раз и запрыгнул тому на спину и обнял его, и целовал его, говоря, что все это было сделано лишь ради милосердия, и предлагая и умоляя его отдать остальных свиней на ту же цель, и говорил так простодушно, с такой любовью и кротостью, что человек тот, успокоившись, пал пред ним ниц, не без множества слез, и, признавая, что неверно было все то, что соделал и сказал он братьям, пошел и взял ту свинью, заколол ее и, приготовив, принес весьма благочестиво и горько рыдая к Санта-Мария дельи Анджели и отдал тем праведным братьям, дабы ели они, из сожаления о том, что он сотворил им.

Святой Франциск, разумея простодушие и терпеливость перед лицом невзгоды одного праведного брата Джинепро, говорил своим спутникам и прочим, кто стоял вокруг: "Дай Бог, братья мои, чтобы у меня был огромный лес таких Джинепро!"

Глава II

Пример великой силы брата Джинепро против дьявола

То, что бесы не могли сносить чистоту невинности и глубокую кротость брата Джинепро, явствует из следующего примера, а именно того, как однажды одержимый бесом, вопреки всякому своему обыкновению и в весьма дивном неистовстве внезапно отпрыгнул прочь с дороги и, мчась крайне быстро, пробежал семь миль различными дальними тропами и, будучи вопрошаем родными своими, которые в великой печали следовали за ним, отчего он столь странно бежал прочь, он отвечал: "Причина вот в чем - ибо этот безумец Джинепро шел той дорогой, и, будучи не в силах снести его присутствия или перетерпеть, бежал я в эти леса".

И, ища доказательств тому, что сие истинно, они разведали, что брат Джинепро проходил там в тот час, точно как указал бес. Почему Святой Франциск, когда к нему приводили одержимых бесами, дабы мог он избавить их, если дьяволы не исходили немедленно по велению его, обычно говорил: "Если сейчас же не изыдешь ты из творения сего, я призову брата Джинепро придти против тебя". И тогда дьявол, страшась присутствия брата Джинепро и будучи не в силах сносить добродетель и кротость Святого Франциска, немедленно исходил.

Глава III

Как кознями дьявола брат Джинепро был приговорен к виселице

Однажды дьявол, желая устрашить брата Джинепро и повергнуть его в стыд и скорбь, отправился к некому весьма жестокому тирану по имени Николо, который тогда воевал с городом Витербо, и сказал: "Синьор, посмотри хорошенько на сей град твой, ибо нынче великий изменник идет сюда, посланный людьми из Витербо, дабы неотвратно убил он тебя и сжег град сей. И чтобы доказать, что сие истинно так, даю я тебе следующие приметы: он идет под видом нищего, в одежде изорванной и покрытой заплатками и в изорванном кашушоне на плечах. Он несет при себе шило, дабы убить тебя, а также имеет кремень и стальное кресало, дабы поджечь град сей. И если найдешь ты, что сие все неправда, казни меня, как будет угодно тебе".

При сих словах Николо пришел в сильное смятение и страх, ибо тот, кто говорил ему слова сии, был в глазах его достойным человеком. И повелел он, дабы стража усердно несла дозор, и чтобы, если человек сей с вышереченными приметами, придет, был он тотчас же приведен к нему.

Тем временем брат Джинепро шагал в одиночестве, ибо, по причине его совершенства, было дозволено ему ходить и пребывать одному, как ему было угодно. И, шествуя, встретил он неких беспутных юношей, которые насмеялись над ним и принялись дразнить его, но всем этим он был нимало не обеспокоен, но скорее подзадоривал их еще больше подшучивать над ним. И когда он подходил к воротам города, стражники, увидев его в столь бедственном состоянии, в одежде, едва прикрывавшей его, да и то всей разорванной, (ибо по пути он, ради любви к Богу, отдал часть своей рясы бедняку и совсем не выглядел как брат-минорит), заметив в его внешности приметы, данные им, силой притащили его к тирану Николо, и когда служителям было велено обыскать его, дабы удостовериться, нет ли при нем какого-либо преступного оружия, они нашли в его рукаве шило, которым он имел обычай починять свои сандалии, также нашли они кремень, который он носил, дабы разжигать костер, ибо погода стояла прекрасная, и он частенько находил приют в лесах и пустынных местах.

Теперь, когда Николо увидел эти приметы, согласные с теми, которые дал дьявол, обвинявший брата Джинепро, повелел он обмотать жгут вокруг его головы, и так и было сделано, да с такой суровостью, что жгут целиком вошел в плоть брата Джинепро. И затем подвесил он его на дыбе, и руки его тянули и выдергивали, и все его тело было подвергнуто пыткам без жалости. И когда Николо спрашивал брата Джинепро, кто тот таков, брат Джинепро отвечал: "Я весьма великий грешник". И когда он спросил, не хотел ли он изменить городу и предать его людям из Витербо, брат Джинепро отвечал: "Я весьма великий изменник и не заслуживаю ничего хорошего". И когда его спросили, хотел ли он убить тирана

Николо тем шилом и сжечь город, он отвечал: "Гораздо более великое и худшее сделал бы я, ежели бы Бог дозволил". Тогда Николо, охваченный гневом, не стал более допрашивать его, но, исполняясь ярости, немедля приговорил брата Джинепро как изменника и убийцу, повелев привязать его к хвосту лошади и протащить через город к виселице, а там - тотчас же повесить за шею.

И брат Джинепро никак не защищался, но, поскольку любящий Бога ликует в скорбях, был весьма радостен и доволен. И когда повеление тирана было приведено в исполнение, и брата Джинепро протащили через город привязанным к хвосту лошади, он не жаловался и не сетовал ничуть, но как кроткий агнец, ведомый на заклание, вел себя со всей кротостью. На это зрелище и скорое правосудие сбежались все люди, дабы посмотреть, как его будут быстро и сурово казнить, и ни один человек не узнал его. Тем не менее, поскольку Бог пожелал сего, один добрый человек, видевший, как брата Джинепро схватили, и который ныне видел, как его тут же потащили на казнь, побежал к братьям-миноритам и сказал: "Ради Бога, молю вас, пойдите быстрее, ибо схватили бедного нищего, и тут же был вынесен приговор ему, и влекут его прочь на смерть. Придите хотя бы для того, чтобы мог он предать душу свою в руки ваши, ибо мне он показался добрым человеком, и не было у него времени исповедаться, и волокует его на виселицу, а он будто бы и не тревожится ни о смерти, ни о спасении своей души. Ох! Пойдемте быстрее, умоляю вас".

Гвардиан (*Наместник - переводчик*) монастыря, который был человеком жалостливым, сразу отправился с ним, чтобы попытаться спасти душу несчастного, но, когда они пришли, посмотреть на казнь собралось уже столько народу, что Гвардиан не мог протолкнуться через толпу, посему он стоял и смотрел, не будет ли удачного момента, чтобы пройти, и, когда он так смотрел, услышал он голос из толпы, говоривший: "Нет, не надо, озорники, не раньте мне ноги". При звуках этого голоса Гвардиан заподозрил, что это был брат Джинепро, и с пылом духовным бросился протискиваться между людьми, и сорвал повязку с лица человека и тогда увидел наверное, что это был брат Джинепро. Посему Гвардиан из жалости хотел было снять с себя рясу, дабы прикрыть ею брата Джинепро, но тот с веселым выражением лица, как если бы шутя, сказал: "О Гвардиан, ты человек толстый, и обнаженным будешь являть собой весьма неприглядное зрелище. Я этого не допущу".

Тогда Гвардиан со слезами и плачем молил палачей и всех людей сжалиться и повременить немного, пока он сходит, чтобы заступиться перед тираном за брата Джинепро, - вдруг он послушает его и смилуется. Палачи и стоящие вокруг согласились, сочтя, к тому же, что брат Джинепро доводился Гвардиану родичем. И благочестивый и добросердечный Гвардиан пришел к тирану Николо, горько рыдая, и говорил: "Синьор, я в таком смущении и скорби, что язык мой не может выразить, ибо кажется мне, что сегодня в граде сем совершается величайший грех и величайшая несправедливость из всех, что свершалась когда-либо во дни праотцев наших. И верю я, что свершается сие по неведению".

Николо терпеливо выслушал Гвардиана и спросил: "Что это за великое

преступление и несправедливость, свершающаяся сегодня в граде сем?" Гвардиан отвечал: "Владыка мой, один из праведнейших братьев, пребывающих ныне в Ордене Святого Франциска, (который ты считаешь безмерно) осужден тобой на столь жестокую смерть, и несомненно, я убежден, без основания". Сказал Николо: "Так говори же, Гвардиан, кто это такой? Возможно, не узнав его, я свершил великую ошибку". Сказал Гвардиан: "Тот, кого ты приговорил к смерти, есть брат Джинепро, спутник Святого Франциска".

Тиран Николо был поражен, ибо был наслышан о славе и праведной жизни брата Джинепро. И, побледнев, как человек, охваченный ужасом, бежал он с Гвардианом и прибежал к брату Джинепро и отвязал его от хвоста лошади и освободил его, и перед всем народом пал ниц на землю перед ним и, горько рыдая, признал свою вину в тех ранах и оскорблениях, которые претерпел из-за него праведный брат, и добавил: "Истинно верю, что дни дурной жизни моей близятся к концу, ибо я так пытал сего праведника без всякой на то причины. За дурную жизнь мою Бог попустит мне вскорости умереть скорбной смертью, хотя и свершил я сие по неведению". Брат Джинепро охотно простил тирана Николо, но по Божьему попущению через несколько дней тиран Николо закончил жизнь свою весьма жестокой смертью. А брат Джинепро, явив назидание народу сему, покинул город.

Глава IV

Как брат Джинепро, из любви к Богу, отдал нищему, что мог

Такою жалостью и состраданием питал брат Джинепро к нищим, что всякий раз, увидев кого-нибудь плохо одетого или обнаженного, имел он обыкновение тотчас же снимать с себя тунику или капюшон, или рясу и отдавать ее бедняку. Посему Гвардиан повелел ему, ради добродетели послушания, не отдавать ни всю свою тунику, ни часть рясы никому из нищих.

Случилось так, что через несколько дней встретил брат Джинепро бедняка, который был почти что голый, и тот попросил у брата Джинепро подавания ради любви к Богу. С великим состраданием сказал он ему: "У меня нет ничего, что я могу дать тебе, кроме моей туники, и начальствующий мой повелел мне по добродетели послушания не давать никому ни ее, ни части рясы моей. Однако если ты снимешь ее со спины моей, я не скажу тебе ничего".

Брат Джинепро говорил не в глухие уши, ибо бедняк тот тут же стянул с него тунику через голову и был с ней таков, оставив брата Джинепро обнаженным. И когда он вернулся в Обитель и был вопрошаем, куда делась его туника, он отвечал: "Один добрый человек стянул ее с моей спины и убежал с ней". И добродетель сострадания возрастала в нем столь обильно, что в конце концов он уже не довольствовался тем, что отдавал тунику свою, но раздавал также книги, и облачения, и мантии, и на что бы не наложил он руки свои, он отдавал нищим. И по сей причине братья ничего не оставляли без присмотра, ибо брат Джинепро раздавал всё, ради любви к Богу и во славу Его.

Глава V

Как брат Джинебро оборвал колокольчики с алтаря и отдал их ради любви к Богу

Однажды брат Джинебро был в Ассизи на Рождество Христово, и пребывал в глубокой медитации пред алтарем в Монастыре, и алтарь тот был весьма богато покрыт и украшен. По мольбе ризничего, брат Джинебро остался охранять оный алтарь, пока ризничий поешть. И в то время, когда находился он в благочестивых размышлениях, нищенка попросила у него подаяния ради любви к Богу.

На сие брат Джинебро ответил ей так: "Подожди немного, а я посмотрю, не смогу ли я дать тебе чего-нибудь от этого алтаря, убранного столь богато". У алтаря того был золотой фриз, весьма красивый и пышный, с маленькими серебряными колокольчиками, очень дорогими. Сказал брат Джинебро: "Колокольчики сии суть излишество", и, взяв нож, обрезал их все с фриза. И из сострадания он отдал их нищенке. Ризничий же на третьем или четвертом глотке вспомнил обычай брата Джинебро и охватила его великая тревога, не причинит ли брат Джинебро, из рвения к дароданию, какого урона ему, сотворив что-нибудь с алтарем, столь богато украшенным, который он оставил попечительствам его. И вскоре, преисполняясь подозрений, он поднялся от стола и направился в церковь и осматривал алтарь, дабы проверить, не снято ли или не унесено ли что из украшений алтаря. И увидел он, что колокольчики обрезаны и оборваны с фриза. Посему был он безмерно разгневан и ругался. Брат Джинебро, видя его столь возмущенным, сказал: "Не тревожь себя насчет этих колокольчиков, ибо я отдал их бедной женщине, которая имела великую нужду в них, а здесь от них не было никакой пользы, лишь тщета и мирская пышность".

Когда ризничий услышал сие, то горько восскорбел и тут же бросился бежать из церкви, через весь город, надеясь, что удастся ему отыскать ту женщину. Но не только не смог он отыскать ее, но даже не нашел он ни одного человека, кто видел бы ее. Вернулся он в Обитель и в великом гневe схватил фриз и понес его Генералу [Ордена], который был там же, в Ассизи, и сказал: "Отче Генерал, я прошу у тебя правосудия против брата Джинебро, который разрушил мне сей фриз, что был почетнейшей утварью в ризнице. Посмотри теперь, как он испортил его и оборвал с него все серебряные колокольчики и говорит, что отдал их бедной женщине". Генерал ответил: "Брат Джинебро не делал сего, а скорее твое недоумие, ибо к сему времени следовало бы тебе знать его обычаи. И я говорю тебе, что дивлюсь, как он не роздал все остальное. Тем не менее я примерно накажу его за этот проступок".

И, собрав всех братьев в Зале Капитула, повелел он пригласить брата Джинебро и в присутствии всего монастыря, корил его за вышереченные колокольчики, и столь сильно возрос гнев его, что он едва не охрип от крика. Брат Джинебро же мало или вовсе не обращал внимания на те

слова, ибо находил радость в поношениях и в посрамлении. Но когда он заметил, что у Генерала заболело горло, то стал думать о лекарстве. Ради чего, едва получив нагоняй от Генерала, брат Джинепро пошел в город и заказал, чтобы приготовили добрую чашку каши с маслом. И когда прошла уже добрая часть ночи, он пришел за той кашей и вернулся и, засветив свечу, пошел в келью к Наместник с этой кашей с маслом, и постучался в дверь. Генерал открыл и увидел его, стоящего с зажженной свечей и с чашкой в руках, и спросил тихим голосом: "Что это?" Брат Джинепро отвечал: "Отче мой, сегодня, когда ты отчитывал меня за мою провинность, я заметил, что твой голос охрип от, как мне думается, чрезмерного напряжения, и посему я подумал о лекарстве и заказал, чтобы сделали для тебя сию кашу. Ешь ее, молю тебя, ибо уверяю тебя, она исцелит горло твое и грудь". Сказал Генерал: "Какой нынче час, чтобы приходить, тревожа других?" Брат Джинепро отвечал: "Пойми, ее сделали для тебя. Ешь ее, молю тебя, без спешки, ибо она будет очень полезна для тебя". Генерал, разгневанный тем, в сколь поздний час явился брат Джинепро и его назойливостью, велел ему уйти, ибо в такой час он не желал есть, ругая его низким и подлым человеком.

Брат Джинепро, видя, что ни уговоры, ни кроткие слова не возымевают действия, говорил так: "Отче мой, раз ты не хочешь есть сию кашу, что приготовлена для тебя, сделай для меня хотя бы вот что. Подержи мне свечу, и я съем ее сам". Тогда Генерал, как человек добросердечный и благочестивый, видя добродетельность и простодушие брата Джинепро, и что все сие было сделано ради него из благочестия, отвечал: "Послушай, раз ты так этого хочешь, давай съедим ее вместе, ты и я". И так они двое съели эту чашку каши через настойчивость брата Джинепро в добродетели. И были утешены они благочестием многократно более, нежели пищей.

Глава VI

Как брат Джинепро шесть месяцев хранил молчание

Брат Джинепро однажды таким образом решил шесть месяцев хранить молчание. Первый день - ради любви к Небесному Отцу. Второй день - ради любви к Иисус Христу, Сыну Его. Третий день - ради любви к Святому Духу. Четвертый день - ради почитания Пресвятой Девы Марии. И так - каждый день подряд, ради любви к некому святому, шесть месяцев соблюдал он молчание.

Глава VII

Пример противостояния искушениям плоти

Однажды, когда брат Жиль и брат Симон Ассизский и брат Руффино и брат Джинепро встретились, чтобы побеседовать о Боге и о душе, брат Жиль сказал другим братьям: "Как вы обходитесь с искушениями плотским грехом?"

Сказал брат Симон: "Я размышляю о низости и гнусности плотского греха, и из сего следует великое отвращение, и вот - я спасся". Сказал брат Руффино: "Я бросаюсь ничком на землю и пребываю в молитве, моля о милости Божьей и Матери Иисуса Христа до тех пор, пока таким образом не почувствую себя полностью освобожденным". Ответил брат Джинепро: "Когда я чувствую смятение дьявольского плотского внушения, я тотчас же бегу и скоро запираю дверь сердца моего и, дабы уберечь крепость сердца моего в безопасности, занимаю я себя праведными размышлениями и праведными желаниями, так что, когда плотское внушение приходит или стучится в дверь моего сердца, я отвечаю ему, как бы изнутри: "Уходи. Ибо обиталище сие уже занято, и никто более сюда войти не может". И таким манером никогда я не позволяю плотскому помышлению войти в сердце мое. А затем, зря себя покоренным, оно отходит от меня, подобно врагу, приведенному в замешательство, и не только меня одного, но также от всех по соседству со мной пребывающих".

Брат Жиль ответил: "Брат Джинепро, я придерживаюсь тебя, ибо никто не может бороться с плотским врагом иначе чем бегством. Ибо внутри предательское плотское желание и вовне чувства телесные дают о себе знать как о врагах столь великих и столь сильных, что, ежели не бежим мы, то не можем одолеть их. Посему тут, кто будет сражаться с ними любым иным способом по тяжести трудов битвы сей редко пожинает победу. Итак, беги порока, и будешь победителем".

Глава VIII

Как брат Джинепро уничижал сам себя во славу Божию

Однажды брат Джинепро, желая полностью уничижить себя, разделся полностью, оставив лишь исподние штаны, и, увязав одежду в свою ряску, как в мешок, положил ее себе на голову, и так, голый, вошел в Витербо и пришел на площадь, дабы быть осмеянным. Когда он стоял там голый, дети и юноши, полагая, что он помутился в рассудке, обращались с ним весьма презрительно, бросались в него грязью, осыпали его камнями, толкали его из стороны в сторону, поливая его потоками насмешек. И так мучимый и осмеиваемый стоял он там большую часть дня, а затем, голый, как был, отправился он в Монастырь. И братья, видя его в таком состоянии, весьма гневались на него. И особенно за то, что он шел так, голым, через весь город со своим узлом на голове, они ругали его весьма сурово и грозили ему жестокими наказаниями. И один сказал: "Давайте посадим его в темницу", а другой сказал: "Давайте повесим его. Никакое наказание не будет чрезмерным за такой дурной пример, какой он подал сегодня, осрамив как себя, так и Орден". И брат Джинепро отвечал радостно и со всей кротостью: "Вы говорите хорошо и правильно, ибо я достоин всех сих наказаний, и даже еще многих других".

Глава IX

Как брат Джинепро, дабы унижить себя, качался на качелях

Однажды, когда брат Джинепро шел в Рим, где слава о его святости уже гремела широко, многие римляне, из благочестивого почитания, вышли навстречу, дабы предварить его. И видя, что приближается такое множество людей, брат Джинепро задумал обратить из почитание в презрение и осмеяние. Неподалеку качались на качелях два маленьких мальчика. Сказать попросту, они положили одно бревно поперек другого и каждый из них сел на концы верхнего бревна, и так они качались вверх-вниз. Брат Джинепро подошел и снял с бревна одного из мальчиков и уселся сам на качели, и стал качаться. Между тем люди подошли и дивились, видя брата Джинепро качающегося на качелях. Тем не менее они приветствовали его с великим почитанием и ждали, пока он накачается, чтобы потом наконец с почетом проводить его в Монастырь. И брат Джинепро почти не обратил внимания ни на их приветствие, ни на их благоговение, и не заботился нимало о том, что они стоят и ждут, но лишь качался с великим усердием. И после того, как они прождали долгое время, некоторые из них начали уставать и говорить: "Что это за дурак?" Другие же, зная обычаи этого человека, возрастали в почитании его. Тем не менее, наконец, они все разошлись и оставили брата Джинепро на качелях, и когда все они ушли, брат Джинепро остался исполненным утешения, ибо он увидел неких, кто насмеялись над ним. И так он встал и вошел в Рим со всей кротостью и смирением и пришел в Монастырь братьев-миноритов.

Глава X

Как брат Джинебро однажды готовил для братьев столько еды, чтобы хватило ее на пятнадцать дней

Однажды, когда брат Джинебро был в одной весьма маленькой Обители братьев, по некоей весьма достойной причине надо было всем братьям уйти, и только брату Джинебро следовало остаться в доме. Гвардиан сказал: "Брат Джинебро, мы все уходим, и посему позаботься о том, чтобы, когда мы вернемся, у тебя было приготовлено немного еды, дабы подкрепиться братьям". Брат Джинебро отвечал: "Весьма охотно так и сделаю. Положитесь на меня". И, когда все братья ушли, как было сказано, брат Джинебро сказал: "Что за за ненужный труд - пропадать брату на кухне и уклоняться от молитвы? По правде, раз меня оставили, чтобы я кашеварил, приготовлю-ка я еды столько, чтобы всем братьям, даже если бы их было больше, чем есть сейчас, хватило бы ее на пятнадцать дней". Итак, он поспешно отправился в город и выпросил несколько больших горшков, и достал свежего мяса и соли, и птицы, и яиц, и трав. И выпросил он достаточное количество дров, и поставил все на огонь, а именно - птиц вместе с перьями, яйца - в скорлупе, и всё остальное подобным же образом.

Когда братья вернулись в Обитель, один, которому хорошо было ведомо простодушие брата Джинебро, пошел на кухню и увидел все эти огромные горшки, стоящие на ревущем пламени. И он сел и смотрел в изумлении и не говорил ничего, пристально наблюдая за тем, как брат Джинебро занимался своей стряпней. Поскольку огонь разошелся весьма сильно, и он уже с трудом мог достать до своих горшков, то, чтобы снять пену, он взял досточку и плотно привязал ее к себе веревкой и прыгал от одного горшка к другому, так что смешно было смотреть на него. И, понаблюдав за всем этим к немалому веселью своему, брат тот вышел с кухни и, найдя других братьев, сказал: "Я бы сказал, что брат Джинебро готовит свадебный пир". Братья подумали, что это шутка. Тогда брат Джинебро снял горшки с огня и стал звонить в колокол, возвещая трапезу, и братья собрались за столом. И он вошел в трапезную с едой, что он приготовил, покрасневшийся от трудов своих и от жара огня, и сказал братьям: "Кушайте на здоровье. А затем пойдете все молиться. И пусть на время никто не заботится о готовке, ибо я приготовил сегодня столь великий пир, что у меня должно хватить еды намного больше, чем на две недели". И он поставил свою распаренную стряпню на стол перед братьями, и нет во всем Риме столь оголодавшей свиньи, что стала бы это есть. Брат Джинебро нахваливал яства, которые он приготовил, как торговец расхваливает свой товар, ибо он уже заметил, что прочие братья ничего не ели, и он сказал: "Вот, эта птица - превосходное средство для ободрения разума. А этот бульон сохранит ваше тело влажным, так он хорош".

И, пока братья все еще дивились благочестию и простодушию брата Джинебро, Гвардиан Обители, разгневавшись на такое недоумие и на

порчу такого множества хороших продуктов, ругал брата Джинепро с великой суровостью. На это брат Джинепро тотчас же бросился наземь и преклонил колени перед Гвардианом и смиренно признал свою вину перед ним и всеми братьями, говоря: "Я худший из людей. Кто-то совершает такой грех, что ему вырывают за это глаза, но гораздо более виновен я, нежели он. Кого-то вешают за его преступления, но гораздо более я достоин этого за мои нечестивые деяния. И вот теперь я растратил попусту добро Божье и Ордена". И так горько сетуя он ушел, и весь тот день не показывался на глаза никому из братьев.

И тогда Гвардиан сказал: "Дражайшие братья мои, я бы желал, чтобы каждый день, как сегодня, этот брат растрачивал бы столько же добра, если бы оно было у нас, если бы только мог он чрез то получить назидание. Ибо сделал он сие по великому простоудию и милосердию своему".

Глава XI

Как брат Джинепро однажды ради своего посрамления пошел в Ассизи

Однажды, когда брат Джинепро на время остановился в Вал-ди-Сполето, услышал он, что в Ассизи был великий праздник, и что множество людей собиралось там с великим благочестием. И вот очень ему захотелось ему сходить на этот праздник. И слушайте же, как он это сделал.

Брат Джинепро разделся до гола, оставшись в одних исподних штанах, и отправился в путь, пройдя через Сполето, через самый центр города. И так голым пришел он в Монастырь. Братья весьма растревожились и возмущены, и ругали его весьма сурово, называя безумцем и дураком и наказанием для Ордена Святого Франциска, и говоря, что его следовало бы заковать в цепи, как сумасшедшего. И Генерал, пребывавший тогда в той Обители, созвал всех братьев и брата Джинепро с ними. И перед всем монастырем сурово и строго отчитал его. И после многих слов, которые он говорил как имеющий власть наказывать, он сказал брату Джинепро: "Вина твоя такова и столь велика, что я не знаю, какое соразмерное ей наказание возложить на тебя".

На что брат Джинепро, как человек, находящий радость в собственном посрамлении, отвечал: "Отче, я скажу тебе. Поскольку пришел я сюда голым, то в наказание пусть я отправлюсь вновь в таком же виде туда, откуда я вышел, чтобы прийти на этот праздник".

Глава XII

Как брат Джинепро был исторгнут в экстаз во время, когда служилась Месса

Однажды, когда брат Джинепро с великим благочестием слушал Мессу, был он исторгнут в экстаз вознесением разума, причем на весьма долгое время. И был он оставлен в келье вдали от прочих братьев, и когда пришел он в себя, то стал с великим пылом говорить: "О братья мои, кто столь благороден в жизни сей, что не понес бы с радостью корзину с навозом через весь город, если бы ему был дан за то дом, полный золота?" И он сказал: "Увы! Отчего не желаем мы претерпеть малый позор, если через него могли бы мы приобрести жизнь благословенную?"

Глава XIII

Как брат Джинебро скорбел о кончине своего спутника, брата Амазиальбене

У брата Джинебро был спутником один брат, которого он очень сильно любил, и имя ему было Амазиальбене. Обильно был муж сей наделен добродетелью высочайшего терпения и послушания. Ибо, если бывал он бит весь день, то никогда не произносил ни шепотом ни в полный голос ни единого слова жалобы. Много раз бывал он послан в Обители, где братья были грубы и было трудно угодить им, и от которых претерпевал он многие беды, кои сносил он терпеливейше и безропотно. По приглашению брата Джинебро он был готов плакать и смеяться.

И вот, по воле Божьей, сей брат Амазиальбене, овеянный доброй славой, скончался. И когда брат Джинебро услышал о его кончине, то скорбел столь тяжело, как никогда не скорбел прежде во всю жизнь свою ни о чем плотском. И всем своим поведением выражал он внешне великую горечь, что была у него внутри, и говорил: "Горе мне! Жалкий несчастный я человек, ибо теперь не осталось мне ничего хорошего, и весь мир распался в смерти моего милого и возлюбленного брата Амазиальбене!" И он говорил: "Если бы не должно было мне хранить мир с братьями, пошел бы я к могиле его и взял бы из нее голову его, и из черепа его сделал бы две чашки. Из одной, в память о нем и ради моей любви, я бы всегда ел, а из другой я бы пил, когда жаждал бы или желал бы пить".

Глава XIV

О руке, которую брат Джинепро видел в воздухе

Однажды, когда брат Джинепро молился и, может быть, думал о себе слишком высоко, показалось ему, будто бы он видел руку в воздухе и своими телесными ушами слышал некий глас, который говорил к нему таковым образом: "О брат Джинепро, с рукой сей ты ничего сделать не можешь". На что он тотчас же вскочил и, подхватившись и обратив глаза к небесам, кричал громким голосом, мчась через монастырь: "Воистину, правда сие! Воистину, правда сие!" И так он продолжал повторять долгое время.